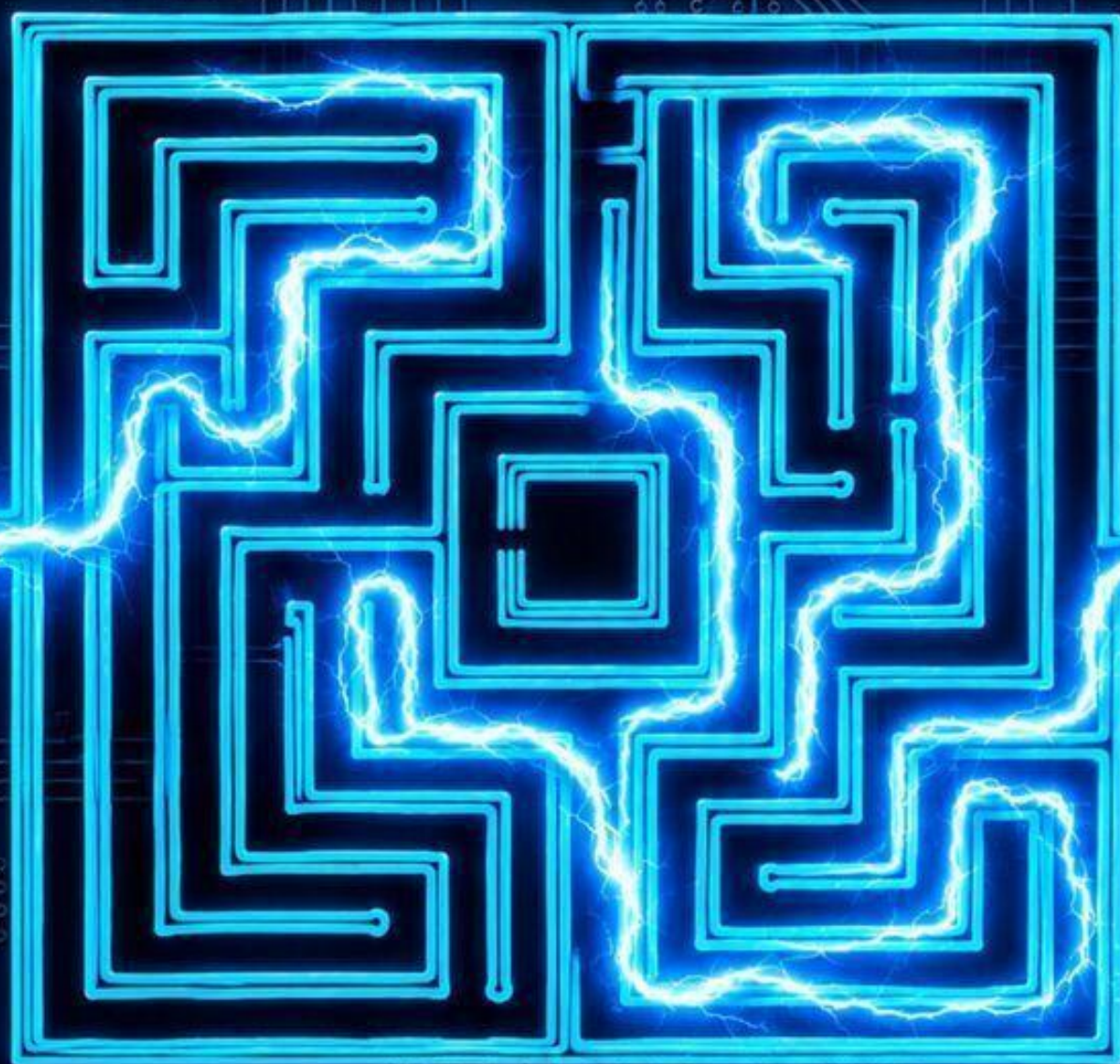

18+ Денис Алёхин

T.O.K. ⚠

Денис Алёхин

Т.О.К.

«Издательские решения»

Алёхин Д.

Т.О.К. / Д. Алёхин — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Ты директор или предохранитель?> Когда бизнес замыкает на твою одну голову, система неизбежно сгорает по закону Джоуля-Ленца. Эта книга — не сухой учебник и не слащавая эзотерика. Это честная хроника преодоления кризиса и инженерное руководство по пересборке процессов, продукта и собственной души. Практическое заземление для тех, кто запутался в операционном аду, перегорел и готов заново включить свой чистый импульс. Убери наводки. Настрой проводимость. Включи Т. О. К. Книга содержит нецензурную брань.

© Алёхин Д.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
АКТ I. ВЫСОКАЯ ЧАСТОТА	9
Глава 1. Короткое замыкание	9
Глава 2. Фрязинский магнит	15
Глава 3. Искажение частоты	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Т.О.К.

Денис Алёхин

© Денис Алёхин, 2026

ISBN 978-5-0071-3656-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Правила игры, в которую мы играем

Разговор на берегу: О мусоре в голове, тишине и душевном бизнесе

Присаживайся поближе. Слышишь, как шумит море? Этот ровный, бесконечный шёпот волн и прохладный ветер, пахнувший солью — лучшее сопровождение для разговора, который нам с тобой предстоит. Налей себе чаю. Пусть он немного остынет, а мы пока никуда не будем спешить. В нашей жизни и так слишком много суеты, беготни и попыток успеть туда, куда нам, возможно, совсем не нужно.

Давай снимем маски. Я не собираюсь учить тебя жить, читать нотации или продавать тебе очередную секретную формулу «успешного успеха». Если ты ждёшь от этой книги сухих инструкций о том, как за три шага заработать миллион, или модных психологических лайфхаков — лучше закрой её. Мы здесь собрались совсем за другим.

Я хочу рассказать тебе историю. Свою историю, которая в итоге превратилась в роман, который ты держишь в руках.

Знаешь, почти всю свою сознательную жизнь я был абсолютным, железобетонным прагматиком. Я верил только в то, что можно потрогать, посчитать и положить на банковский счёт. Бог? Духовность? Осознанность? Для меня все эти слова были ширмой для слабых людей, которые не умеют работать. Я искренне считал духовных людей какими-то отбитыми фанатиками, живущими в иллюзиях. «Хочешь результата — паши, манипулируй, находи схемы, забирай своё любой ценой», — вот и весь мой нехитрый кодекс.

И знаешь, к чему меня это привело?

К сокрушительному, тотальному краху по всем фронтам. Моя прагматичная картина мира треснула и рассыпалась, погребя меня под обломками. Развалились отношения с человеком, которого я любил. Меня с позором выставили с отличной, перспективной работы. Я погряз в долгах, которые казались неподъёмными, и обнаружил себя запертым в серой, изматывающей рутине: бесконечная работа без отпусков, копеечная зарплата, которой едва хватало на жизнь, и постоянное, удушающее чувство безысходности. Я пытался метаться. Запускал какие-то краткосрочные проекты, хайпы, быстрые бизнесы ради «лёгкого навару». Но они не приносили миру никакой реальной пользы, быстро схлопывались и только глубже загоняли меня в яму.

Тогда я попробовал другую крайность. Вспомнив знаменитый фильм «Секрет», развесил по стенам карты желаний и начал усердно визуализировать пачки купюр, слушал различные гипнопрограммы и пытался усердно аффирмировать на фоне дня. Но это тоже не работало. Я злился, не понимая, почему вселенная игнорирует мои ментальные запросы. Я просто не осознавал тогда самой сути процесса.

Спасение пришло с самой неожиданной стороны. Моя сестра Аня — за что ей моя огромная, бесконечная благодарность — подарила мне на Новый год книгу одного известного автора. Наверное, если бы там было написано про «ангельские вибрации», я бы выбросил её в урну. Но эта книга говорила на понятном мне, прагматику, языке. Она методично, шаг за шагом, через призму микробиологии, нейрофизиологии и научных исследований мозга объясняла, как человек устроен на самом деле. Как наши мысли и состояния физически перестраивают синаптические связи.

Это была моя первая точка перелома. Я начал практиковать концентрацию, работать со своим подсознанием. И мир вокруг начал медленно, но верно разворачиваться в другую сторону.

У меня стали появляться всё более масштабные, интересные проекты. Я изнутри постигал основы системного бизнеса, маркетинга, тонкости управления, учился привлекать миллионные инвестиции. Жизнь начала подкидывать мне невероятных людей — сильных менторов, которые обучали меня передовым технологиям и показывали крутые бизнес-связки. Я жадно впитывал информацию, накапливал опыт, растил новые грани своей экспертности...

Но внутри всё равно оставался сквозняк. Было ощущение, что я бегу по красивому, технологичному, но абсолютно пустому коридору. За терабайтами потребляемой информации, за регламентами и планами я по-прежнему не слышал свою душу. Я не слышал своего сердца. Я не понимал своего истинного предназначения и не знал, куда на самом деле иду. Попытки уйти в классическую психологию только усугубляли ситуацию: я получал новые ментальные инструменты, но они лишь уводили меня дальше от разговора с самим собой. От разговора с Богом.

Пока однажды я случайно не наткнулся на подкаст одного психолога. Этот человек совершенно спокойно, без религиозного пафоса произнёс фразу, которая меня буквально прошила: он сказал, что общался с Богом напрямую.

Для моего старого прагматичного ума это должно было прозвучать как бред сумасшедшего. Но внутри меня что-то откликнулось. Тихо-тихо. И начался новый, самый важный этап моей жизни. Я засел за книги, которые раньше обходил за версту: читал Библию, Коран, Веды, Бхагавад-гиту, Тору... И вдруг сквозь тонны толкований и человеческих догм мне открылась ослепительно простая истина.

Бог — это не про религию. И не про пыльные писания.

Творец един во всём. Он повсюду. И Он создал для нас потрясающую, огромную игровую площадку. Игру под названием Жизнь.

А у любой игры есть свои незыблемые, фундаментальные правила. Представь футбол и баскетбол. Если ты выйдешь на футбольное поле и начнёшь хватать мяч руками, бегая с ним по газону, — игры не получится. Тебя просто удалят с поля. Ты не можешь поменять правила, потому что тогда это будет уже совсем другая игра.

Так же и в жизни. Следуя правилам Создателя, человек сам становится со-творцом, он создаёт свою собственную, красивую игру, в которую хочется играть окружающим. Но если он эти правила нарушает — из эгоизма, гордыни, жадности или слепого прагматизма — он обречён всю жизнь играть в чужие игры. И страдать, получая одну жёлтую карточку за другой, пока наконец не остановится, не примет и не поймёт истинные правила.

Я перестал сетовать на неудачи. Я понял, что любая моя проблема — это не наказание. Это просто подсказка свыше. Знак, что я свернул не туда. Новый квест в игре, который мне нужно пройти, чтобы прокачать своего персонажа и выйти на следующий уровень.

И самое главное открытие, которое я сделал: мысли на самом деле не материальны. Наша голова — это просто чердак, заваленный кучей старого хлама, чужих установок и ментального шума. Главное в жизни — это чувства.

Именно чувства создают нашу реальность. Именно они формируют игру, потому что чувства — это и есть истинный язык нашей души. А душа — это частица Бога внутри каждого из нас. Только говорит она очень тихо. Неуловимым, нежным шёпотом, лёгкими ощущениями в груди, предчувствиями... В отличие от разума, который постоянно орёт набатом в голове, требуя бежать, спасать, контролировать и доказывать.

Истина рождается только в тишине. И только в тишине ума ты наконец начинаешь слышать этот шёпот своей души. В этом и есть вся суть настоящей медитации и концентрации — заставить замолчать чердак и дать слово сердцу.

Когда я это понял, всё изменилось. Пазл сложился. Все накопленные мною за девятнадцать лет жесткие бизнес-знания — регламенты, систематизация, маркетинг, финансы — легли

на этот глубокий духовный слой. *«Порядок внутри — порядок снаружи»* © К. Саркисян. Бизнес не может быть успешным вдолгую, если у его создателя раздраз в душе.

Сегодня я помогаю предпринимателям и малым бизнесам выстраивать их системы. Но теперь я в первую очередь обращаю их внимание на правила игры Творца, на состояние их собственной души. Потому что бизнес, построенный без сердца, быстро превращается в тюрьму для своего основателя.

Мне очень захотелось описать этот путь построения душевного, но при этом сильного и системного бизнеса через художественную историю. Историю, которая будет близка и понятна любому русскому человеку — будь ты крупный предприниматель, уставший стартапер, фрилансер или наёмный сотрудник, мечтающий о своём деле.

Чтобы не травмировать чувства тех, кто пока не пришёл к вере, все духовные законы и правила игры в этой книге бережно переведены на язык физических законов — понятных, логичных и неоспоримых. Этот роман не станет для тебя скучным учебником или душным нравоучением. Это динамичное, живое приключение, драма, в героях которой ты, я надеюсь, легко узнаешь себя или своих знакомых.

Я буду безмерно счастлив и благодарен тебе и Вселенной, если это чтение поможет тебе найти свои собственные инсайты, остановиться на мгновение, услышать шёпот своего сердца и сделать свою жизнь чуть более гармоничной, свободной и счастливой.

Сделай глоток чая. Слышишь, ветер немного утих? Пора начинать нашу игру. Да начнёт идти Т. О. К.!

АКТ I. ВЫСОКАЯ ЧАСТОТА

Глава 1. Короткое замыкание

Запах канифоли всегда возвращал Максима в детство. Так пахло в душном отцовском гараже под Фрязино, когда отец — замученный инженер НИИ «Платан» — тонким жалом паяльника ковырялся в разложенных потрохах старого лампового телевизора «Рубин». Но сегодня, в три часа ночи, на глухой окраине промзоны в Печатниках, этот запах не дарил тепла. Он смешивался с удушливым, ядовито-сладким ароматом горелого лития, сырого бетона и мокрого асфальта, который просачивался сквозь щели огромных въездных ворот сборочного цеха «Веловоза».

Максим стоял посреди полутёмного ангара, засунув руки в карманы дорогого, но уже безнадёжно измятого итальянского пальто. Его потряхивало. Не от холода — хотя отопление в цеху работало на честном слове и радиаторы лишь слегка подрезали ледяной подмосковный воздух, — а от глухого, высокочастотного зуда в груди. Так гудит трансформаторная будка перед тем, как внутри неё рванёт масляный радиатор.

Телефон в кармане глухо зажужжал в пятьдесят первый раз за ночь. На экране снова выползло наглое, светящееся в темноте: «Григорий Инвестор». Максим сжал кулак, чувствуя, как пластик корпуса едва ли не трещит под пальцами, но звонок сбросил.

Вместо этого он открыл мессенджер. Там, чуть ниже пропущенных от инвестора, висело последнее текстовое сообщение от ночного диспетчера Южной точки. Сообщение, от которого во рту еще полчаса назад поселился стойкий привкус ржавого железа:

«Макс, у нас ЧП на Южной. Полный пиздец. Пацан-курьер взял байк, только отъехал от точки — под ним прямо на ходу рванула батарея. Этот новый китайский „шпат“. Велик вспыхнул за секунду, парень даже скинуть его не успел, упал вместе с ним, пытался тушить руками... Руки обгорели до костей, Макс. Его реанимация в тридцать шестую увезла, он без сознания. Свидетели на остановке всё сняли, видео уже во всех крупных телеграм-каналах. Что делать?!»

Максим медленно опустил руку с телефоном. Запах горелого лития в ангаре теперь казался ему запахом собственной горящей заживо жизни.

Всего три часа назад всё было иначе.

ВИП-кабинка пафосного караоке-клуба на Новом Арбате тонула в сизом полумраке, дорогим парфюме и сладковатом дыму кальянов на свежем грейпфруте. На длинном столе из тёмного полированного мрамора теснились пузатые бокалы с виски тридцатилетней выдержки, плато с устрицами на колотом льду и ка кастрюли с ледяным шампанским. Вокруг Максима шумела его «стая» — ключевые партнёры, пара статусных друзей из Сити, финансовый директор Влад и несколько длинноногих девушек с заученными, безупречными улыбками.

Влад, вальяжно откинувшись на кожаный диван и поигрывая тяжёлым золотым хронографом на запястье, поднял свой бокал:

— Господа! Минутку внимания! — его холёное лицо блестело от дорогой уходовой косметики и выпитого алкоголя. — Я хочу поднять этот тост за нашего локомотивного фаундера. Макс, ты гений. Сегодня наши юристы закончили предварительный аудит перед раундом «Б». Оценка «Веловоза» перевалила за три миллиарда рублей. Три, понимаете?! Конкуренты из желтых и розовых доставок кусают локти. Мы буквально затапливаем Москву своими байками!

— Да какой там раунд «Б»! — пьяно рассмеялся Артём, один из ранних инвесторов, сидевший в обнимку с полуголой шатенкой. — Влад, бери выше! Макс, когда IPO? Давайте сразу на Московскую биржу, а лучше — через дружественные юрисдикции на Гонконг! Я хочу увидеть, как Воронов будет стоять на трибуне и звонить в колокол, а мы все будем считать свои миллионы в кэше! За будущий выход в кэшгаут! За свободную жизнь на островах!

— За короля последней мили! — дружно подхватила компания. Раздался хрустальный, чистый звон бокалов.

Максим улыбался своей фирменной, слегка снисходительной улыбкой успешного тридцатилетнего фаундера. Он чувствовал себя хозяином этой жизни, альфа-самцом, который приручил хаос огромного мегаполиса. Он взял микрофон, вышел на небольшую сцену под свет неоновых софитов и запел Лепса — хрипло, надрывно, вкладывая в каждую ноту дикую, первобытную энергию. Гости визжали от восторга. Девушки смотрели на него как на полубога.

Но за этой маской триумфатора прятался измотанный, задыхающийся зверь. Даже когда Максим вытягивал высокие ноты, внутри него, где-то глубоко под рёбрами, вибрировал холодный, липкий страх. Он не признавался в этом даже себе, но последние полгода его жизнь состояла из непрекращающегося бега по раскалённой плите.

В разгаре веселья Максим спустился со сцены и присел рядом с Владом. Пользуясь тем, что музыка орала на пределе, он наклонился к уху финдира:

— Влад, скажи мне честно. Налоговая точно не докопается до нашей сетки из сорока пяти ИП? Напряжение растёт, регуляторы закручивают гайки. Если нас прижмут за дробление...

Влад снисходительно похлопал Максима по плечу, отхлебнув виски:

— Макс, расслабься! — уверенно бросил он. — Схема — чистый шёлк, невидимка для алгоритмов АСК НДС-3. Транзакции дробятся до копеек, все субподряды закрыты реальными договорами на логистические услуги. Налоговики видят там просто белый шум. Мы для них прозрачны и чисты, как слеза младенца. Лучше думай, какую яхту выберешь после кэшгаута. Пей, празднуй! Ты заслужил это.

Максим кивнул, попытался сделать глубокий вдох, но воздух словно застрял в горле, оставив привкус горечи. Он снова поднял бокал, сиюсь утопить эту душную фоновую тревогу в золотистой жидкости.

А через сорок минут его телефон взорвался.

Экран смартфона начал плевать в лицо сообщениями от операционного директора Дениса, который остался на ночном дежурстве. Сначала посыпались сухие, страшные факты: таможня на границе намертво заблокировала три фуры с китайскими контроллерами. Пятьдесят готовых алюминиевых рам «Веловоз-Courier» зависли в цеху мёртвым грузом, а сезон в самом разгаре, агрегаторы требуют технику, штрафы за недопоставку капают каждую минуту.

Следом прилетел жесткий хук справа от обслуживающего банка: налоговая выставила инкассо на те самые тридцать миллионов по «серым» схемам оптимизации через дружественных ИПшников, которые Влад называл «чистым шёлком». Финдир, только что обещавший Максиму беззаботную жизнь на островах, при виде бледного лица шефа моментально сослался на срочный звонок, выскочил из кабинки и... перестал брать трубки. Его телефон ушёл в глухой «вне зоны доступа».

Но добило Максима последнее сообщение от Дениса, присланное капслоком:

«МАКС, НАМ ХАНА!!11»

«МИНТРАНС СОВМЕСТНО С МВД СЕГОДНЯ ОПУБЛИКОВАЛИ ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПО ПОРУЧЕНИЮ ПРЕЗИДЕНТА. К 1 СЕНТЯБРЯ 2026 ГОДА — ПОЛНЫЙ ЗАПРЕТ НА ДВИЖЕНИЕ ЭЛЕКТРОВЕЛОСИПЕДОВ ПО ТРОТУАРАМ.»

«ВСЯ ТЕХНИКА МОЩНОСТЬЮ ВЫШЕ 250 ВТ ПЕРЕВОДИТСЯ В КАТЕГОРИЮ МОПЕДОВ.»

«ЭТО ЗНАЧИТ: ПРАВА КАТЕГОРИИ „М“, НОМЕРА, РЕГИСТРАЦИЯ И САМОЕ СТРАШНОЕ — ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ НАЛИЧИЕ ОТТС.»

«У НАШИХ БАЙКОВ НЕТ ОДОБРЕНИЯ ТИПА ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА! МЫ ВВОЗИЛИ ИХ КАК ЗАПЧАСТИ ПО „СЕРЫМ“ ДЕКЛАРАЦИЯМ.»

«С СЕНТЯБРЯ ГИБДД НАЧНЕТ МАССОВЫЕ ИЗЪЯТИЯ НА ШТРАФСТОЯНКИ. ВЕСЬ НАШ ПАРК В ПЯТЬ ТЫСЯЧ ЕДИНИЦ — ВНЕ ЗАКОНА!!!».

Плата горела. Проводники плавилась. Операционный контур «Веловоза» замкнуло наглухо.

Максим не выдержал. Он бросил компанию в клубе, оставив на столе недопитый виски и стопку пятитысячных мятых купюр, выскочил под ледяной московский дождь, прыгнул в такси и помчался сюда, в Печатники. Ему казалось, что если он физически прикоснётся к железу, потрогает холодный алюминий рам, хаос в его голове хоть немного утихнет. Но легче не становилось. Чердак свистел на предельной частоте, перемалывая страх уголовки, позора перед инвесторами и неминуемого банкротства.

А полчаса назад, прямо на подъезде к промзоне, мессенджер плюнул в лицо тем самым кошмарным сообщением с Южной точки. Физическая боль реального человека, покалеченного его копеечной экономией, окончательно выжгла все предохранители.

Он смотрел на длинные, уходящие во тьму ряды собранных электровелосипедов, и они казались ему не золотым активом, а пятью тысячами надгробий над его амбициями. С каждым днём они теряли свою ёмкость, как стареющий литий.

— Сбросишь напряжение, погорят транзисторы, Максимка.

Тихий, суховатый голос раздался из дальнего угла цеха, где под жёлтым конусом настольной лампы копошилась фигура.

Семен Аркадьевич. Главный инженер сборочного участка. Три месяца назад Максим нанимал его просто как «технический ресурс» — деда с советским дипломом физика-энергетика, который умеет за копейки ковыряться в проводке и не задаёт лишних вопросов. Семен Аркадьевич всегда выглядел чужеродно среди молодых татуированных сборщиков в оверсайз-худи: аккуратно выглаженный синий рабочий халат поверх безупречно белой, хоть и застиранной рубашки в полоску, роговые очки на шнурке, аккуратный седой зачёс. От него никогда не пахло вейпом с ароматом клубники — только старой доброй «Явой», которую он курил строго у вытяжки.

Старик не спеша отложил паяльник. Тонкое жало инструмента испустило сизый струй канифольного дыма, медленно поднявшийся к высоким балкам потолка.

— Вы почему не спите, Аркадьич? — угрюмо спросил Максим, подходя ближе и опираясь на верстак, заваленный шестернями, гайками и вскрытыми мотор-колёсами.

— Так фаза не держит, — старик спокойно снял очки и протёр их краем синего халата. — Ночью сеть в промзоне стабильнее, помех меньше. А вот у тебя, я погляжу, на панели приборов все аварийные диоды горят. Чего примчался? Опять инвесторы ампераж требуют?

Максим горько усмехнулся, глядя на лежащую перед инженером зелёную плату управления.

— Да какой там ампераж, Аркадьич... Системе хана. Налоговая заблокировала счета, таможня держит запчасти, а тут ещё этот проект Минтранса по тротуарам... С сентября нас просто сотрут с лица земли. Все наши пять тысяч байков пойдут под конфискацию, потому что у нас нет этого чёртова ОТТС. Григорий оборвал телефон — грозит судом и требует вернуть инвестиции. А у меня перед глазами это сообщение с Южной... Пацан этот в тридцать шестой реанимации лежит. Я... я просто не понимаю, за что хвататься! Я ведь строил эту компанию по лучшим западным технологиям! Всё оцифровано, КРІ у каждого сотрудника, CRM-систему

внедрили по самые уши, регламенты прописаны на каждый чих... Почему всё ломается, стоит мне на день ослабить контроль?! Почему я должен лично решать, как тушить батареи и как ублажать проверяющих в три часа ночи?!

Семен Аркадьевич внимательно посмотрел на Максима сквозь свои роговые очки. В его глазах не было ни грамма жалости. Только холодная, исследовательская глубина инженера, который за сорок лет работы в закрытых оборонных КБ видел сотни таких «сгоревших» плат.

Не молча потянулся к пачке сигарет, достал одну, привычно размял сухими пальцами и закурил. Счётчик времени словно замедлился. Щёлкнула старая бензиновая зажигалка. Тяжёлый, честный запах табачного дыма заполнил пространство между ними, вытесняя сладкую вонь сгоревшего лития.

— Хочешь, я покажу тебе, где у тебя короткое замыкание? — тихо спросил старик, выпуская струю дыма вверх.

— Ну покажите, — Максим скептически скрестил руки на груди, пытаясь удержать остатки маски крутого босса, купленного за деньги инвесторов. — Только не надо мне рассказывать про командный дух, лидерство и прочую инфоцыганщину. Я эти сказки на бизнес-форумах тысячу раз слышал. Не работает это, когда у тебя кассовый разрыв в тридцать миллионов и счета заблокированы.

Семен Аркадьевич усмехнулся. Изгиб его губ был слегка циничным, но странно тёплым.

— Бог с тобой, Максимка. Какое лидерство? Я физик, а не клоун с микрофоном. Я верю только в фундаментальные законы Вселенной. А они, понимаешь, везде одинаковые — что в этой медной дорожке на плате, что в твоей конторе, что в твоей собственной голове. Твой бизнес — это просто цепь, по которой идёт ток. Но ты перепутал правила игры. Ты решил, что если ты хозяин этой цепочки, то можешь заставить электроны бегать вопреки законам термодинамики?

Старик взял со стола толстый, тяжёлый силовой кабель с обгоревшей, оплывшей изоляцией и бросил его прямо перед Максимом. Шнур глухо ударился о верстак.

— Смотри на этот провод. У него есть своё сечение. Свой номинал. Он рассчитан, скажем, на двадцать ампер. Если ты ради экономии или глупостипустишь по нему сорок — что произойдет?

— Он нагреется, изоляция поплывёт, и он расплавится, — буркнул Максим, вспоминая физику за восьмой класс.

— Правильно. Закон Джоуля-Ленца. Количество теплоты Q , выделяемое проводником с сопротивлением R при прохождении по нему тока I за время t , пропорционально квадрату силы тока:

$$Q = I^2 \cdot R t$$

— А теперь посмотри на свой «Веловоз», — Семен Аркадьевич постучал сухим пальцем по обгоревшему кабелю. — Ты ведь всю систему замкнул на себя, парень. Ты — единственный силовой кабель в компании. Все ключевые решения, все подписи, все закупки, все разборки с банками и инвесторами — всё течёт через твою одну-единственную голову. Ты не автоматикупостроил, ты построил ручную телегу. Напряжение на рынке растёт, регуляторы закручивают гайки, сила тока увеличивается. И твой личный проводник закипел. Ты выгорел, Максимка, до углей. А твои загулы ночные, твой вискарь, клубы и караоке — это не отдых. Это ты пытался из огнетушителя полить плавящуюся изоляцию, чтобы дотянуть до утра. Но кабель всё равно сторит. Предохранитель уже щёлкнул. Сила тока I в твоей сети превысила критический номинал, потому что сопротивление внешней среды R — таможня, налоговая, полиция — выросло до бесконечности. По закону Ома при неизменном напряжении ток должен был упасть, но ты искусственно накачивал систему энергией инвесторов, пытаясь обмануть закон:

$$I = U / R$$

— И вот твоя плата вспыхнула.

Максим молчал. Слова старика попали куда-то очень глубоко, под кожу, пробив ментальную броню. Он вспомнил свои утренние подъёмы со свинцовой головой, эту непреходящую фоновую тревогу в груди, из-за которой последние полгода не мог вздохнуть полной грудью, и вечное, сосущее ощущение, что он в одиночку тащит в гору товарный состав, у которого отказали тормоза.

— И что мне делать? — тише спросил он, и в голосе впервые проскользнула растерянность. — Нанять ещё топ-менеджеров? Найти кабель потолще? Купить новые кадры?

— Не поможет, — старик покачал седой головой и аккуратно затушил сигарету о край жестяной банки из-под индийского чая. — Ты можешь закупить толстых кабелей, поставить самые современные транзисторы. Но если у тебя на входе Генератор выдает грязный, рваный, гнилой сигнал — сгорит вообще всё. Вместе со зданием.

Семен Аркадьевич подошел к Максиму вплотную. От него пахло табаком, мылом «Прогресс» и канифолью — запахом из того самого отцовского гаража во Фрязино. Старик положил свою сухую, мозолистую руку на грудь Максима — прямо туда, где под мятым итальянским пальто бешено, аритмично колотилось сердце.

— Ты с какими мыслями этот бизнес запускал, а? Честно скажи. Не мне — себе ответь.

Максим замялся, пытаясь отвести взгляд, но глаза деда за роговыми стеклами держали намертво, словно два сфокусированных лазерных диода.

— Ну как... Рынок пустой был. Курьерская доставка перла вверх как ненормальная. Мы с парнями прикинули юнит-экономику, поняли, что на аренде электровелов можно поднять иксы. План был простой: быстро набрать массу, упаковать франшизу, показать инвесторам красивую капитализацию, сделать кэшаут через три года и свалить на острова.

— Кэшаут... — передразнил старик, и в его голосе впервые прозвучало холодное, свинцовое презрение. — Навар. Схема. Срубить бабла на дефиците, надуть пузырь и свалить. Твоё намерение на входе — твоя Нийя — было грязным, Максим. Эгоистичным. Ты хотел только сосать энергию из этого мира, прикрываясь красивыми англицизмами. Ты курьеров этих за людей не считал — так, безликие юниты в табличке Excel. Батареи дешёвые китайские без сертификатов зачем купил? Чтобы маржу поднять, чтобы инвестору Григорию отчет красивый показать! Сэкономил на безопасности живых людей ради лишнего процента доходности. А Бог — Он ведь не дурак, Максимка. Он эту вселенскую плату проектировал по жестким правилам. И главное правило этой игры: Электродвижущая сила на выходе всегда пропорциональна качеству энергии на входе.

Старик убрал руку от его груди, и Максиму вдруг показалось, что ушла невидимая подпорка, удерживавшая его от падения в черную пустоту.

— Если твоё намерение чистое — если ты реально хочешь решить боль этих пацанов-курьеров, которые в гололёд и ливень за копейки мотаются по городу, если ты хочешь сделать их труд безопасным, дать им человеческие условия, облегчить жизнь — Генератор дает тебе безграничную ЭДС. Система начинает резонировать с миром, и деньги приходят сами, как побочный продукт правильного процесса. А если ты пришёл просто «снять сливки», обмануть систему и свалить — контур коротит. Ты нарушил правила игры, Максим. Решил, что твоя голова — это самый умный прибор. А голова твоя — это просто чердак с мусором, где скопились чужие инструкции и панический страх облажаться перед тусовкой. Ты перестал чувствовать. Перестал слышать шёпот своей души. А ведь душа — это единственный датчик, который напрямую подключен к Генератору Творца. Она говорит тихо, предчувствиями, лёгким теплом. А ты заглушил её набатом в голове, амбициями и караоке. Вот система тебя и заземлила

— через арест счета и взрывы. Это не наказание, глупый ты человек. Это индикатор. Тебе Творец кричит: «Стоп! Контур горит! Пересобирай плату!».

Максим стоял неподвижно. В огромном ангаре повисла звенящая, плотная тишина. Гудение мыслей в его голове — весь этот бесконечный чердачный хлам — на секунду полностью замолкло. И сквозь эту тишину, где-то глубоко под ребрами, он почувствовал слабое, почти забытое тепло.

— И... как её пересобирать? — спросил Максим. Его голос больше не был дерзким. Он звучал тихо и растерянно. Так спрашивает маленький мальчик, который разбил дорожную отцовскую вещь и понимает, что сам починить не сможет.

Семен Аркадьевич посмотрел на него. На его суровом лице появилась мягкая, ободряющая улыбка старого мастера, который видит, что кривая деталь наконец-то встала в правильный паз.

— Для начала — выключи свой телефон, Максимка. И научись слушать тишину. А завтра утром... завтра утром съезди в тридцать шестую больницу. Посмотри в глаза этому мальчишке. С этого твоё настоящее заземление и начнётся. А уж потом мы начнем изучать законы этой игры. По-взрослому. Без твоих американских брошюр. По законам физики Мироздания. Иди спать. Фаза выровнялась.

Максим медленно повернулся и пошел к выходу. На ходу он достал жужжащий в кармане смартфон, посмотрел на светящееся имя инвестора... и впервые в жизни спокойно, без судорожного вдоха и страха, нажал кнопку питания. Экран погас. Поток чужой паники был перекрыт рубильником.

Он толкнул тяжелую железную калитку и вышел на улицу.

Над промзоной Печатников занимался серый, прохладный московский рассвет. Воздух был чистым, отмытым ночным дождём. Ветер лениво шевелил мокрую листву редких тополей у бетонного забора. Максим глубоко, до боли в легких, вдохнул эту сырость. Голова была пустой и легкой, как вычищенный операционный контур.

Он шёл мимо глухих стен соседних складов к остановке такси и вдруг остановился у ржавого мусорного контейнера в тупике. Там, прислоненный к баку, стоял полуразобранный, покрытый толстым слоем цементной пыли велосипед. Без колес, с выдранными проводами, на раме едва читалась полустертая наклейка с порядковым номером: «001».

Максим замер. Это был самый первый прототип. Его личный велик, который он собирал сам, своими руками, три года назад в крошечном гараже во Фрязино.

Тишина рассвета хлынула в сознание, и перед глазами Максима, как в замедленной съемке, начал разворачиваться его собственный пройденный путь. Он вспомнил, как три года назад у него не было ни инвестора Григория с его тяжелыми миллионами, ни этого огромного ангара, ни дорогого итальянского пальто. Был только бешеный, чистый энтузиазм, старый ноутбук с открытыми таблицами и безумная идея. Он вспомнил, как сидел в том холодном фрязинском гараже, растирая замерзшие пальцы, и искренне верил, что меняет мир курьеров, делая для них что-то по-настоящему великое. Тогда, на старте, его личный генератор выдавал чистейшую энергию, и система росла как на дрожжах. Мир помогал ему на каждом шагу, открывая нужные двери.

«Где же я свернул не туда? — подумал Максим, глядя на ржавеющий остов первого велика. — В какой именно момент чистое намерение превратилось в грязную погоню за кэша-утом, которая в итоге накопила столько статического заряда, что контур просто пробило?»

Он медленно подошёл к покрытой пылью раме и улыбнулся. Внутри него, под обломками сгоревшего бизнеса, начинал оживать совсем другой, забытый, но истинный ток его жизни.

Глава 2. Фрязинский магнит

Пыль на раме под номером «001» лежала ровным бархатистым слоем, похожим на серый мох. Макс коснулся пальцем изогнутой стальной трубы — холодной, тяжелой, сваренной вручную три года назад. Под пальцем открылся чистый, ядовито-зеленый кусок краски. Цвет его первой надежды. Сзади тихо щелкнула зажигалка. Семён Аркадьевич глубоко затянулся, и кончик его сигареты на мгновение высветил безупречно отутюженный воротник синего рабочего халата.

— Стоит памятник, — негромко произнес старик. — Руда, железо. А ведь когда-то в этой железяке жил бог, Максимка. Настоящий, невыдуманный. Ты сам его туда посадил. А потом забыл, в какой коробке ключи оставил.

Макс не ответил. Холод металла просочился сквозь кожу, поднялся по предплечью и дернул за ниточку памяти, срывая его сознание назад, в ледяной ноябрь девятнадцатого года. Туда, где всё только начиналось.

Фрязино встретило его тогда злым, секущим лицо недодождем и запахом тлеющих торфяников.

Гаражный кооператив «Заря-3» сползал по глинистому косоугору прямо к железнодорожной насыпи. Бетонная коробка под номером 412 изнутри казалась склепом. Отопления не было. Старый советский рефлектор с открытой спиралью уныло светил оранжевым глазом, но тепла от него хватало ровно на то, чтобы не замерзали пальцы, держащие паяльник.

— Макс, если мы сейчас вилку не усилим косынками, она на первом же бордюре сложится, — глухо донеслось из-под маски.

Ромка — его первый напарник, молчаливый парень с тяжелым взглядом и золотыми руками сварщика-аргонщика — сидел на корточках перед перевернутой рамой. На его старой засаленной куртке веером сияли следы от искр болгарки. Ромка работал не за зарплату и не за долю в будущем бизнесе-единороге. Ему просто нравилось побеждать металл. Если шов выходил неидеальным, Ромка молча брал шлифмашинку, срезал всё к чертовой матери и варил заново. На чистом упрямстве.

— Вари с косынками, — Макс подул на ладони и шумно выдохнул пар. — И давай бат-отсек сделаем повыше. Пацаны по уши в каше зимней ездить будут. Если жижа с солью зальет плату — пиши пропало.

В углу гаража на перевернутом деревянном ящике из-под овощей стояла грязная двухлитровая банка из-под майонеза, в которой мокли в бензине старые кисти. Рядом исходил паром дешевый пластиковый чайник, наполняя сырой воздух ароматом растворимого кофе «три в одном» и канифоли. Это был запах их личной вселенной. Острой, настоящей, пахнущей горелой изоляцией и мокрой шерстью.

Макс подошел к воротам гаража, приоткрыл калитку и выглянул наружу. На дорожке между боксами, переминаясь с ноги на ногу в промокших кроссовках, обмотанных пакетами и скотчем, стоял Бахыт.

Бахыту было девятнадцать. Он приехал из-под Оша полгода назад. На его спине горбом висел огромный, квадратный желтый короб, от которого пахло дешевым тестом и жареным луком. Парень дрожал так, что зубы стучали в такт проходящей мимо электричке. Подмышкой он держал костыль.

— Макс-ака, — Бахыт виновато улыбнулся, обнажая щербину между зубами. — Посмотришь? Опять вилка сломался. На яму с лужей наехал, упал, чуть машина не задавил.

Макс молча забрал у него раздолбанный китайский электровелосипед — дешевый «шпат», купленный Бахытом на Садовом втридорога под кабальный процент у земляков. Рама в районе рулевого стакана пошла трещинами, из надорванной гофры сиротливо торчали раз-

ноцветные жилы проводов. Это чудо китайской инженерии было рассчитано на тепличный пригород Шэньчжэня, но никак не на подмосковную слякоть и ледяную кашу, которой коммунальщики щедро поливали асфальт.

— Ромыч, отвлекись, — тихо сказал Макс, закатывая этот хлам в гараж. — Надо парню помочь. Он если сегодня смену пропустит, его из общаги выкинут.

Ромка поднял маску, посмотрел на разбитый велосипед, потом на мокрые кроссовки Бахыта. Плюнул на бетонный пол, взял горелку и коротко бросил:

— Ставь чайник. Будем реанимировать труп.

Пока Ромка колдовал над рамой, наплавляя швы толщиной с палец, Макс сидел на ящике рядом с Бахытом и поил его горячей бурдой из пластикового стаканчика. Бахыт грел руки о пластик и рассказывал. Рассказывал про то, как замерзают пальцы на руле через три часа работы, так, что их потом приходится разжимать силой. Про то, как дешевые аккумуляторы сдыхают прямо посреди дорогого заказа, и приходится тащить на себе сорок килограммов мертвого железа по сугробам, глотая слезы и матершину от клиентов в приложении.

«Мы для них не люди, понимаешь, Макс-ака? — тихо говорил Бахыт, глядя в пол. — Мы просто точки на карта в телефоне. Быстро бежит — хорошо. Упал, сломался — другая точка придет».

Именно в тот вечер, глядя на промокшего паренька, Макс впервые почувствовал странный, вибрирующий толчок глубоко под ребрами.

Это не было бизнес-идеей в привычном понимании Москва-Сити. Это не имело отношения к финмоделям, LTV, SAC или презентациям для венчурных фондов. Это было чистое, злое сострадание. Желание построить машину, которую невозможно убить. Машину, которая защитит этих пацанов от холода, дорожного хаоса и равнодушной цифровой машины, выжимающей из них последние соки.

В его тридцать лет за плечами Макса уже была куча всего. Были легкие, дурные деньги, заработанные в четырнадцать лет на перепродаже китайских копий рэперских часов, которые он потом бездарно, за одну ночь спустил в казино Минска, глуша обиду дешевым виски. Был безумный год в тайской тюрьме, куда он влетел по глупости, доверившись харизматичным инфобизнесовым дельцам. Были три года на Бали, где он пытался «поймать дзен», медитируя в темных комнатах на десятидневных випасанах, уверяя себя, что познал покой.

Но всё это было иллюзией. Настоящий покой и настоящая сила ждали его здесь — в холодном гараже под стук электричек, среди запаха канифоли и бензина. Здесь его эго, привыкшее к быстрым схемам и дешевому признанию, впервые заткнулось.

Они с Ромкой работали по восемнадцать часов в сутки. Они спали тут же, на старом диване, брошенном у стены, укрывшись двумя куртками. Макс продал свои последние приличные часы, чтобы купить партию ячеек для первой батареи. Он сам, вручную, собирал аккумуляторный блок, рассчитывая каждую перемычку так, чтобы минимизировать падение напряжения. Они проектировали раму «001» с нуля. Трубы брали с запасом прочности, как для легкого мотоцикла. Вилка — маятниковая, неубиваемая. Навесное оборудование — только то, что можно починить в полевых условиях обычным мультитулом.

Когда первый прототип был готов, они покрасили его из баллончика в ядовито-зеленый цвет. Макс лично выкатил его из гаража.

— На, Баха, тестируй, — сказал он, протягивая парню ключи. — Три дня у тебя. Убьешь — с меня причитается. Не убьешь — оставишь себе.

Через три дня Бахыт вернулся. Он не приехал — он влетел в гаражный кооператив, поднимая веер грязных брызг. Его лицо светилось ярче, чем светодиодная фара, которую Ромка прикрутил на руль.

— Макс-ака! Это не велосипед, это танк! — кричал он, соскакивая со скутера. — Я за три дня сделал норму недели! Спина не болит! Батарея держит с утра до вечера, на морозе вообще не садится! Там, на районе, все пацаны смотрят, спрашивают: «Где взял? Дай контакты!»

В тот вечер в гараж пришло еще пять человек. Они стояли в очереди, протягивая мятые пятитысячные купюры, готовые отдать последнее за этот зеленый неказистый байк. Без рекламы, без маркетинга, без единого слайда презентации. Люди шли на чистый, осязаемый физически дефицит безопасности и заботы, который Макс и Ромка закрыли своим трудом.

Макс моргнул. Фрязинский гараж растаял, вернув его в реальность темного цеха в Печатниках. Пыль на раме под номером «001» всё так же тускло светилась в полумраке.

Семён Аркадьевич подошел ближе, положил тяжелую, сухую руку на плечо Макса и посмотрел на приборную панель старого байка.

— Вот тебе и физика процесса, Максимка, — тихо произнес дед, выпуская изо рта струйку сизого дыма. — Ты думал, что ты великий бизнесмен, раз у тебя миллионы на счета потекли? Нет. Бизнес — это та же электродинамика. На старте во Фрязино у тебя было то, чего не купишь ни за какие инвестиции Григория. У тебя было чистое Намерение. Твоя ЭДС — электродвижущая сила. Понимаешь?

Старик постучал узловатым пальцем по стальной раме.

— В физике ЭДС возникает тогда, когда сторонние силы — не электрические, понимаешь, а другие, внешние — начинают двигать заряды вопреки сопротивлению среды. Твоя забота о курьерах, твоя злость на холод, твое желание помочь — это и были те самые сторонние силы. Они создали магнитное ядро. Чистый импульс. Генератор Вселенной моментально замкнул на тебя цепь и выдал безграничный ампераж энергии. Тогда и деньги пришли, и люди. Только не на твоё тщеславие они пришли, а на этот магнит.

Дед сделал паузу, его глаза за стеклами роговых очков сузились, став похожими на два острых лазерных луча.

— А потом ты решил, что генератор — это ты сам. Притащил в цепь паразитные токи. Решил правила игры обмануть, пустил серые схемы, дешевые китайские комплектующие, заменил живых пацанов цифрами в Excel. И магнитное поле схлопнулось. Ток упал, а сопротивление выросло до небес. И твоя плата вспыхнула. Физику не обманешь, Максимка. Если на входе гнилой сигнал — на выходе всегда будет только белый шум и гарь.

Макс молча смотрел на ядовито-зеленую краску под слоем пыли. Внутри него, под ребрами, где уже давно выгорела до пепла всякая надежда, впервые за долгое время что-то едва заметно, но отчетливо потеплело. Цепь, казавшаяся разорванной навсегда, снова искала контакт.

Глава 3. Искажение частоты

Запах канифоли и сырого кирпича остался в прошлой жизни.

Теперь пахло по-другому. На пятьдесят четвёртом этаже башни «Федерация» воздух пах дорогим кондиционированным холодом, селективным парфюмом за сорок тысяч рублей флакон и свежесваренным кенийским кофе средней обжарки.

Максим стоял у панорамного стекла, прижавшись лбом к холодному триплексу. Внизу, завернутая в серую петлю Москвы-реки, расстилалась столица — крошечная, игрушечная, будто собранная из конструктора Lego. Машины на Третьем транспортном кольце казались разноцветными жуками, медленно ползущими по своим ничтожным делам. Отсюда, сверху, всё казалось контролируемым, понятным и очень дешёвым.

— Макс, ты меня вообще слышишь? — голос Владислава, финансового директора, вернул его к реальности.

Влад, холёный двадцативосьмилетний выпускник «Вышки» с безупречным пробором и часами, которые стоили как три первых гаражных партии «Веловоза», нетерпеливо постукивал дорогим стилусом по экрану планшета.

— Да, Влад. Слышу. Показывай слайд с когортами.

На массивном столе из мореного дуба, за которым легко могла бы заседать коллегия министерства, лежали три макбука. На большом настенном экране светились графики в фирменных цветах: бирюзовый, неоново-жёлтый, глубокий чёрный. Брендбук за два миллиона рублей, разработанный модным агентством, утверждал, что эти цвета символизируют «энергию свободы и системную надёжность».

— Смотри, — Влад увеличил сектор на диаграмме. — Если мы закроем раунд с Григорием до конца месяца, то оценка «Веловоза» на бумаге взлетит до полутора миллиардов рублей. Но чтобы выдержать темп, который требует его фонд, нам нужно выставить на улицы Москвы пять тысяч бортов к маю. Пять тысяч, Макс! Наша мануфактура во Фря, где дед Семён вручную крутит гайки, за год столько не соберёт, даже если мы их там в рабство продадим.

Максим поморщился. Упоминание Фрязино и деда сейчас отозвалось в нём лёгким уколом стыда, который он тут же привычно подавил.

— И что ты предлагаешь?

— Я уже всё посчитал, — Влад самодовольно улыбнулся. — Забудь про сборку с нуля. Это кустарщина. Мы летим в Шэньчжэнь. Я нашёл фабрику «Zhongxing Electric». Они штампуют готовые электровелосипеды — на рынке их называют «шпатами» или «монстрами». Дешёвая стальная рама, простейший контроллер, стандартный мотор на триста пятьдесят ватт. По документам задущим его до двухсот пятидесяти, чтобы копы не докапывались. Себестоимость единицы в закупке — триста долларов. Триста, Макс! Наш фрязинский «нулевой» обходится нам в девятьсот из-за этой твоей вечной паранойи с качеством, толщиной кабелей и анатомическими сиденьями.

— «Шпаты» — это же хлам, Влад, — тихо сказал Максим, не поворачиваясь от окна. — У них рамы лопаются на стыках через три месяца активной эксплуатации. А батареи? Там дешёвый китайский литий-ион без нормальной платы защиты. Они в мороз будутдохнуть за два часа.

— Ну и пустьдохнут! — Влад рассмеялся, взмахнув руками. — Макс, очнись. Мы продаём не велосипеды. Мы продаём капитализацию. Инвестору плевать, сколько часов держит батарея в минус пятнадцать. Инвестору нужны показатели LTV к САС и темпы захвата доли рынка. Понимаешь? Мы берём объёмом. Сдохнет один — мы спишем его по амортизации и выставим со склада два новых. Нам нужно завалить Москву техникой, показать «иксы» по активным пользователям, а через два года сделать красивый кэшгаут. Продать компанию

Яндексу или Сберу и улететь пить коктейли на твою любимую виллу на Бали. Зачем ты пытаешься построить космический корабль там, где нужно просто захватить территорию?

Дверь переговорной без стука распахнулась. Вошёл Григорий — главный инвестор, крупный мужчина пятидесяти лет в безупречном темно-синем костюме-тройке от Brioni. Его лицо выражало ту степень спокойной уверенности, которая доступна только людям, управляющим миллиардными фондами и имеющим прямые выходы на вице-мэров.

— Ну что, пионеры, делите шкуру ещё не рождённого вела? — Григорий тяжело опустился в кресло во главе стола и сразу взял со стола чашку эспresso. — Максим, я посмотрел твою презентацию для синдиката. Всё красиво, но слишком много технической чепухи. Кому в фонде интересна марка стали на вилке? Ты мне цифры покажи. Когда мы забираем под себя доставку в спальных районах? Самокатчики из Юрента растут как на дрожжах, Яндекс готовит свой флот. Если мы сейчас застрянем на твоих «инженерных тестах», нас просто раздавят ногами.

Максим сглотнул слюну. Внутри него боролись два человека. Один — тот пацан из холодного гаража, который сам, окоченевшими пальцами, паял контакты на первом байке «001», чтобы курьер Бахыт не стёр колени в кровь на ноябрьской каше. Второй — тридцатилетний генеральный директор успешного стартапа, который вчера в VIP-ложе клуба на Новом Арбате оставил за ночь триста тысяч рублей и целовался с длинноногой моделью, шептавшей ему на ухо, какой он гениальный и перспективный.

Второй победил нокаутом.

— Мы готовы, Григорий, — Максим повернулся и уверенно улыбнулся, сделав голос глубже. — Мы перестраиваем модель. Отказываемся от дорогой собственной сборки во Фрязино в пользу контрактного производства в Китае. Это снизит капекс на единицу техники почти в три раза. Мы сможем выставить пять тысяч бортов уже к середине апреля.

Григорий довольно прищурился, постукивая пальцами по столу:

— Вот это разговор мужчины, а не кружка юных техников. Влад, что по налогам? Если мы погоним такой объём, на классической схеме нас задавит НДС, да и зарплатные налоги сожрут всю маржу.

Финансовый директор победоносно взглянул на Максима и открыл новую вкладку на экране.

— Здесь всё изящно, Григорий. Мы внедрили агентскую схему. Создаем сетку из сорока пяти подставных ИП на упрощёнке. Все курьеры оформляются как самозанятые или субподрядчики через эти ИП. Денежные потоки дробятся, мы полностью уходим от НДС по сервисному обслуживанию и оптимизируем налог на прибыль. Всё чисто, комар носа не подточит. Налоговая нагрузка падает до ничтожных трёх процентов.

Максим почувствовал, как в груди неприятно заныло.

— Влад... Сорок пять ИП? Это же явное дробление. Если придёт выездная налоговая проверка, нас признают единой группой. Это уголовка, чувак.

Владислав снисходительно хмыкнул, даже не отрываясь от планшета:

— Макс, детство закончилось. Так работает весь крупный ритейл и клининг в этой стране. Главное — правильно распределить директоров и IP-адреса для банк-клиентов. У нас сильные юристы, они всё прикроют. Григорий, подтвердите?

Григорий равнодушно повёл плечом:

— В этой стране, Максим, выигрывает тот, кто умеет быстро бегать между каплями дождя. Пока мы растём на триста процентов в год, мы социально значимый проект. Мы даем рабочие места тысячам мигрантов, разгружаем трафик, город нас любит. Мелкие шалости с налогами никого не волнуют, пока ты делишься пирогом с правильными людьми. Всё, готовьте документы к сделке. Подписываем в пятницу. После этого — сразу транш на Шэньчжэнь.

Когда Григорий и Влад вышли, в переговорной повисла тяжёлая, давящая тишина. Стекланные стены Москва-Сити отражали Максима: дорогой пиджак Brunello Cucinelli, ухоженное лицо, золотые часы. Но в его глазах, если присмотреться, жила мёртвая, выжженная пустота.

Связь с реальностью рвалась с мясом. Он больше не знал, чем живут курьеры. Живое общение с парнями из Средней Азии, которые грели руки у костра возле его гаража, сменилось бездушным дашбордом в BI-системе. Там курьеры не имели имён. Они назывались «активными юнитами доставки». Если «юнит» падал с велосипеда из-за отказавших тормозов — служба поддержки просто присылала ему стандартный шаблон в чате: *«Извините за неудобства, ваш аккаунт заблокирован до выяснения обстоятельств»*. Никаких личных встреч. Никаких разговоров. Только сухие цифры штрафов за опоздание на заказ, которые Владислав заботливо вшил в финансовую модель для «повышения операционной дисциплины».

Вечером того же дня Максим сорвался.

Это началось как деловой ужин с потенциальными партнёрами в дорогом ресторане на Патриарших, а закончилось в три часа ночи в закрытом караоке-клубе на Кутузовском. Вокруг Максима клубился дорогой дым кальянов, пахло разлитым шампанским «Dom Pérignon», кокаиновым потом и дешёвым адреналином.

— Макс, ты лучший! За твой миллиард! — орал в микрофон какой-то нетрезвый стар-тапер, чье лицо Максим видел второй раз в жизни.

Максим сидел на кожаном диване, обняв за талию полуголую брюнетку, которая что-то восторженно шептала ему о его «невероятной харизме». В его голове шумел алкогольный туман, смешанный со щепоткой белого порошка, слизанного со стеклянного столика в туалете полчаса назад. Он чувствовал себя богом. Королём этой ночи, этого города, этой жизни. Все страхи, сомнения насчёт китайских «Монстров» и серых налоговых схем казались мелкими, смешными предрассудками неудачников.

«Победителей не судят, — думал он, глядя на то, как пузырьки в бокале поднимаются вверх. — Мы сделаем этот кэшаут. Я заберу свои триста миллионов и уеду. А плата... да пусть горит она синим пламенем».

Он проснулся в час дня в своей арендованной за полмиллиона в месяц квартире в «Сити». Голова раскалывалась так, словно по ней били чугунным молотом. Во рту было сухо и горько, в глазах стояла серая муть. Телефон разрывался от пропущенных звонков.

Десять звонков от операционного директора. Шесть — от начальника склада. Один — от Семёна Аркадьевича.

Максим со стоном поднялся, натянул мятые спортивные штаны и, не умываясь, нажал на вызов Семёна Аркадьевича.

— Алло, Макс? — голос деда в трубке звучал непривычно сухо, без привычной доброй насмешки. — Ты где есть-то? У нас тут на складе в Печатниках комедия разыгрывается. Привезли первые три контейнера твоих китайских чудес. Приезжай-ка, посмотри на свой «миллиард».

Через час Максим, натянув тёмные очки, чтобы скрыть красные от недосыпа и стимуляторов глаза, уже выходил из такси возле унылого серого ангара в промзоне Печатников. Здесь пахло ржавым железом, сырой резиной и дешёвым машинным маслом.

Семён Аркадьевич стоял посреди склада. На нём был его неизменный синий рабочий халат — безупречно чистый и выглаженный, несмотря на окружающую грязь. В зубах деда дымилась неизменная «Ява». Вокруг него высились деревянные обрешётки с новенькими, блестящими бирюзовой краской китайскими велосипедами.

Рядом стоял Владислав, брезгливо обходя лужи растаявшего снега на полу ангара в своих замшевых лоферах Loro Piana.

— О, Макс! Привет! — зашебетал Влад. — Смотри, какая красота! Пятьсот бортов первой партии. Визуально — просто бомба. Брендбук соблюден идеально, курьеры будут пищать от восторга.

Семён Аркадьевич молча сплюнул на бетонный пол, затушил сигарету о подошву ботинка и бросил окурок в урну.

— Ну подойди ближе-то, Максимка, — тихо сказал дед, поправив роговые очки. — Не бойся, пиджак свой импортный не испачкаешь. Погляди, что вы в цепь запаяли.

Максим подошёл. Дед указал мозолистым пальцем на открытый отсек контроллера одного из велосипедов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.